

© 2011 г. Л. Г. СТЕПАНОВА*

СТРУКТУРНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ XVI века

Российская история является частью всемирной истории; многие процессы, протекающие в истории России, безусловно, взаимосвязаны с мировыми процессами. В последнее время при изучении многовекового развития России стала применяться структурно-демографическая теория, разработанная американским историком Дж. Голдстоуном¹. Несомненным достоинством этой теории является рассмотрение явлений российской истории в неразрывной связи с процессами, происходящими в то же самое время в Европе и Азии. Однако последователи структурно-демографической теории берут за основу своих теоретических выкладок взаимодействие структурных элементов сложившегося на данной территории социума, что, в свою очередь, вызывает вопросы со стороны исследователей, которые занимаются изучением особенностей экономического развития различных стран.

Дж. Голдстоун все кризисные ситуации, возникающие в государстве, связывает с обострением борьбы между самим государством, народом и его элитой за имеющиеся ресурсы. Главным положением структурно-демографической теории Голдстоуна является вывод, что к кризису государства приводит рост численности населения, который существенно отражается на всех его структурных элементах, поскольку вызывает сокращение крестьянских наделов, увеличение цен, уменьшение потребления продуктов питания, разорение крестьянских хозяйств, снижение урожайности и обнищание. Это, в свою очередь, приводит к социальным взрывам, в том числе к бунтам и революциям². В качестве примера Голдстоун приводит не только социально-политические кризисы XVII в. в Англии, Франции, Испании, Китае и Османской империи, потрясения конца XVIII–XIX в. во Франции, Германии, Китае и Японии, но и революционные события в России, разразившиеся в начале XX в. Социальную напряженность исследователь связывает с возрастающим социальным расслоением в обществе и увеличением доли неимущих и бедных людей из-за роста общей численности населения.

По мнению еще одного американского историка Ч. Даннинга, структурно-демографическую теорию можно использовать при объяснении событий, происходивших в России в начале XVII в. В это время здесь имел место государственный кризис, описание которого укладывается в модель Голдстоуна. В стране отмечался рост населения, цен, разразился финансовый кризис, началось обеднение народа, произошел раскол элиты. Тем не менее Даннинг считает, что данный вопрос нуждается в дополнительном исследовании³. Историк рассматривает государственный кризис в России в XVI–XVII вв. более всесторонне и полагает, что при его изучении необходимо учитывать и другие факторы, в частности влияние фактора военно-технических инноваций⁴. Поэтому альтернативное объяснение этого кризиса, как и европейских событий XVII в., с его точки зрения, может дать и теория «военной революции», разработанная М. Робертсом и поддерживаемая рядом историков. Согласно этой теории, создание нового государства,

* Степанова Лилия Геннадьевна, кандидат исторических наук, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин и регионоведения Академии маркетинга и социально-информационных технологий (Краснодар).

новой бюрократии и новой армии требуют значительных финансовых затрат. Денежные средства для этих нужд государство может получить, увеличив налоговое бремя. В свою очередь новые налоги приносят нестерпимые тяготы населению, приводят к голоду, росту всеобщего недовольства и восстаниям⁵.

Как мы видим, трактовка событий российской истории западными учеными неоднозначна. Причем последователи структурно-демографической теории, пытающиеся найти объяснение кризисам Средневековья и Нового времени на Евразийском континенте, сводят их к перенаселению определенной территории, приводящему к нехватке земли⁶. Это, в свою очередь, приводит к кризисным явлениям в крестьянском хозяйстве, повышению цен на сельскохозяйственную продукцию, голоду, мору. В таких условиях крестьянское хозяйство оказывается неплатежеспособным, что сказывается на общем экономическом положении отдельных регионов и стран и, в конце концов, ведет к системной катастрофе, выражающейся в резком сокращении населения из-за эпидемий, нападений на ослабленные территории внешних врагов и междоусобицах феодалов.

Среди последних исследований, посвященных данной проблеме, необходимо отметить работы П. Турчина, который доказывает гипотезу о наличии динамической связи между ростом населения и разрушением государства⁷. По мнению ученого, в истории России можно выделить несколько периодов демографического роста – с конца XV в. по 1570-е гг. и с 1620-х гг. по 1917 г., которые можно классифицировать как демографически-структурные циклы⁸. Эти 2 цикла Турчин называет соответственно московским и имперским (Романовским) периодами. Попытку применить структурно-демографическую теорию к истории России XVI в. недавно предпринял С.А. Нефедов. Его исследование базируется на обширнейшей российской историографии и дополнено собственными расчетами, в основе которых лежит цифровой материал, взятый из работ авторитетнейших российских историков, долгое время занимавшихся изучением экономической истории России в эпоху Средневековья. На основании анализа цифрового материала Нефедов пришел к заключению, что в XVI в. в России наблюдалось относительное перенаселение отдельных районов⁹. К этому времени, по его мнению, остро встала проблема нехватки земельных ресурсов, особенно на Северо-Западе России. Данный вывод представляется небесспорным, поскольку он, за неимением других массовых источников, основывается на статистических данных новгородских писцовых книг, показывающих действительно увеличение количества населения в новгородских пятинах с конца XV до середины XVI в., но вовсе не перенаселение их территорий.

Российская история XV–XVI вв. хорошо укладывается в отдельные положения структурно-демографической теории, поскольку на территории Европы в это время появилось единое Российское государство, только начинающее выстраивать свои органы управления и сословные отношения. В это время в России формировалась поместная система, перестраивалась система местного самоуправления, рос авторитет великокняжеской, а затем и царской власти, усиливалась тенденция эволюции верховной власти к самодержавию. Поэтому последователи структурно-демографической теории трактуют процесс складывания Российского централизованного государства как процесс формирования новой структуры «государство–элита–народ»¹⁰ и выдвигают гипотезу об имеющемся в это время перенаселении его территорий.

Ведущим аргументом в данном дискуссионном вопросе служит обращение к источнику – самим новгородским писцовым книгам, массовые данные которых позволяют проследить интересующие нас явления на достаточно большой части территории Российского государства. Как известно, новгородские писцовые книги конца XV – начала XVI в. являются самыми древними писцовыми книгами, дошедшими до наших дней. Исследователи высказывали предположения, что подобные книги в это время создавались и в землях-княжествах Северо-Восточной Руси, но со временем они были утрачены¹¹. Поэтому за неимением других подобных массовых источников по истории России периода складывания централизованного государства обращение к новгородским писцовым книгам является обоснованным.

Составление новгородских писцовых книг проходило сразу после ликвидации Новгородской республики и конфискации земельных владений новгородских бояр, житейных людей, Церкви и новгородского владыки в целях сплошного учета земельного фонда присоединяемой к Москве территории. Поэтому эти делопроизводственные документы не только учитывали тяглые хозяйства налогоплательщиков, но и фиксировали право владения землей московских служилых людей. Конфискация огромных вотчин в Новгородской земле послужила толчком к развитию поместной системы. Несомненно, что данные именно этого источника позволяют нам ответить на вопрос, насколько правомерно утверждение о перенаселении новгородских пятин в XVI в. Тем более, что новгородские писцовые книги, составленные в XV–XVI вв., в отличие от позднейших писцовых книг являются типичным поземельным кадастром¹².

До присоединения к Московскому государству Новгородская земля занимала огромные пространства, охватывавшие весь север и северо-запад Восточноевропейской равнины. Спустя 3 века территории бывших земельных владений Великого Новгорода вошли в состав Новгородской, Санкт-Петербургской, Вологодской, Архангельской, Олонецкой, Вятской, Псковской и Пермской губ. В конце XV в. основная территория Новгородской земли делилась на 5 областей – «пятины»: Шелонскую, Деревскую, Водскую, Обонежскую и Бежецкую. По подсчетам К.А. Неволлина, площадь всех новгородских пятин в конце XV в. достигала 282 127 кв. верст или 321 625 кв. км¹³. Авторы «Аграрной истории Северо-Запада России», которые впервые в историографии подвергли данные новгородских писцовых книг сплошной статистической обработке и провели наиболее значительное региональное исследование динамики населения конца XV – начала XVI в.¹⁴, исключили из расчетов Неволлина площадь Ладожского и Онежского озер и подсчитали, что вся территория пятин в это время достигала 293 тыс. кв. км¹⁵. Они назвали и примерную численность населения во всех новгородских пятинах – около 520 тыс. человек¹⁶. Таким образом, плотность населения в новгородских пятинах составляла в среднем 2 человека на 1 кв. км.

Все новгородские пятины, за исключением Бежецкой, начинались вблизи Новгорода и расширялись вокруг него по окружности вместе с увеличением территории Новгородской земли, причем Водская и Обонежская пятины тянулись далеко на север, где расселению людей не благоприятствовал суровый климат и малопродуктивные почвы. Наибольшая плотность населения ко времени присоединения Новгородской земли к Москве наблюдалась в Шелонской пятине, которая в силу своих более благоприятных для развития земледелия условий была лучше освоена людьми. На площади 31 800 кв. км здесь проживали 105 600 человек¹⁷, т.е. плотность населения составляла 3.3 человека на кв. км. Наибольшее количество людей населяло южные погосты, где плотность населения достигала 7 человек на кв. км, хуже всего были освоены северные погосты, в которых на 1 кв. км приходилось 0.07 человека¹⁸. На рубеже XV–XVI вв. в Шелонской пятине насчитывалось 6 200 поселений, в большинстве случаев люди жили в однодворных и двухдворных селениях¹⁹ (количество подобных малодворных деревень в пятине превышало 70%). По подсчетам авторов «Аграрной истории Северо-Запада России», в среднем на двор в Шелонской пятине высевалось 5 коробей ржи, что составляло 15 десятин в 3 полях. По моим данным, полученным в результате сплошной статистической обработки новгородских писцовых книг конца XV – начала XVI в., но уже по другой методике (с выделением сначала одинаковых по налогообложению массивов земель и последующей группировкой в них крестьянских дворов по величине запашки) в среднем на двор в этой пятине высевалось 5.4 коробей ржи²⁰.

Площадь Деревской пятины, находившейся на юго-востоке новгородских владений, по данным Неволлина достигала 31 312 кв. верст или 35 700 кв. км²¹. В новгородских писцовых книгах, описывающих Деревскую пятину, авторы «Аграрной истории» насчитали 24 246 людей – глав семейств, что позволило им сделать вывод: всего в это время в пятине проживали не более 116 тыс. человек. Плотность населения при этом варьировалась от 7 до 0.8 человек на кв. км, уменьшаясь с северо-востока на юго-запад²², в среднем 3.2 человека на кв. км. Кроме этого, по подсчетам Санкт-Петербургских

историков, в Деревской пятине в это время существовало 8 898 поселений, которые в основном были однодворными или двухдворными²³. Площадь крестьянской запашки в Деревской пятине в среднем достигала 2.26 коробьи ржи в поле или 6–7 десятин в 3 полях²⁴. По моим данным, на 1 двор в Деревской пятине в среднем приходилось 2.6 коробьи ржи²⁵.

Бежецкая пятина, располагавшаяся на юго-востоке Новгородской земли, граничила на северо-западе с землями Обонежской пятины, а на юго-западе – с Деревской пятиной. По подсчетам Неволлина, вся территория Бежецкой пятины занимала 33 660 кв. верст или 38 200 кв. км²⁶. Число жителей пятины достигало 87 тыс. человек, а плотность населения – 2.4 человека на кв. км²⁷. Как видим, о перенаселении этих пятин, а тем более северных – Водской и Обонежской – не может быть и речи. Однако все эти средние величины нивелируют порайонные различия, имевшиеся в каждой пятине и зависящие от условий местности, на которых основывалось крестьянское хозяйство. Нефедов говорит в данном случае об относительном перенаселении, обусловленным уровнем развития сельского хозяйства того времени²⁸. Действительно, в каждой пятине в первую очередь осваивались земли лучшего качества и лишь позднее в оборот вошли земли худшие по своему плодородию. Периодом интенсивной распашки новых земель, по свидетельству многих источников, стал XV в. Новый принцип налогообложения, в основе которого лежала величина обрабатываемой площади земли, введенный к концу этого столетия, свидетельствовал о том, что главным критерием для определения размера дохода в пользу великокняжеской власти стало уже не число семей, а именно земля²⁹. Установить, насколько в середине XVI в. у крестьянских хозяйств Новгородской земли были исчерпаны ресурсы свободных угодий для занятия земледелием, помогает сравнительный анализ преемственности сельского расселения на основании качества земли, проведенный путем сопоставления массовых данных писцовых книг конца XV и середины XVI в.³⁰

В XVI в. в новгородских пятинах произошли значительные пространственно-демографические изменения. За первую половину века в Шелонской пятине появилось около 700 новых поселений, в Заонежских погостах – 611, а в Тверской половине Бежецкой пятины количество поселений возросло более чем в половину, достигнув 1 637³¹. В целом же на новгородских землях за полвека было основано 3.5 тыс. новых поселений и общее количество населенных пунктов в середине XVI в. достигло 40 тыс.³² По мнению большинства историков, данное число поселений было наибольшим за всю историю региона. Густота расположения поселений на местности была значительной: среднее расстояние между деревнями в Деревской пятине составляло 2.1 км, в Шелонской и Бежецкой пятинах – 2.4, в Заонежских погостах Обонежской пятины – 3.5, в Водской пятине – 4.7 км³³. Однако эти средние величины не учитывают реальных климатических и почвенных условий расселения на местности.

Характеризуя сельское расселение в Заонежье, М.В. Витов подчеркивал его гнездовой тип, свойственный для всего Европейского Севера³⁴. При подобном расселении мелкие деревни разбросаны небольшими группами на больших расстояниях, и целые массивы земель между ними остаются невозделанными. Одновременно в наиболее густонаселенных районах новгородских пятин могут не только соприкасаться хозяйственные ареалы деревень, но и сами деревни стоять рядом друг с другом³⁵, создавая скученный тип расселения. В малозаселенных местах, где расселение ограничено природными особенностями, в частности наличием болот, оно может идти по разбросанному (дисперсному) типу. Современные исследования показывают, что даже нынешняя система сельского расселения Северо-Запада сочетает в себе эти исторически сложившиеся типы расположения поселений. При этом гнезда селений образуются у излучины реки или устья ручья, у озера или группы озер, а разбросанный тип расселения появляется при большой пестроте природных условий и мелкой контурности сельскохозяйственных земель³⁶.

Однако поселения в новгородских пятинах в XVI в. отличались по своим качественным характеристикам от сельских поселений, которые получили распространение

на данной территории в последующие века. И главное их отличие заключалось в малом количестве дворов. Исследователи, изучавшие сельское расселение на Северо-Западе России и происходящие здесь демографические изменения в XVI–XVII вв., выявили определенную динамику. За первую половину XVI в. в Деревской пятине и Порховском уезде Шелонской пятины увеличилось количество однодворных поселений, а среднее число дворов на деревню сократилось. В Старорусском и Новгородском уездах Шелонской пятины, наоборот, возросло количество дворов на деревню и сократилось количество однодворных деревень. Тем не менее, по мнению А.Я. Дегтярева и А.Л. Шапиро, массовые данные писцовых книг в первой половине XVI в. не показывают повсеместную тенденцию укрупнения селений³⁷. Напомню, что именно тенденция укрупнения поселений при одновременном сокращении их числа и росте людности двора стала ведущей в последующие столетия. В целом же в новгородских пятинах первой половины XVI в. продолжали основываться починки – новые поселения. Причем выявляется и другая линия: при возрастании количества дворов в деревнях увеличивалось число починков, при уменьшении количества дворов или при слабом возрастании населенности деревень число починков оставалось невелико³⁸.

Рост числа сельских поселений в первой половине XVI в. продолжался и в Водской пятине. Однако, с точки зрения А.А. Селина, масштабы внутренней колонизации здесь в это время были незначительны, а сам процесс сельского расселения протекал неравномерно. Новые земли осваивались в рамках существовавших тогда погостов с учетом естественно-географических факторов. Крестьянская колонизация была направлена в удаленные от старых поселений массивы, в район болотистых рек или к отдаленным озерам³⁹. По наблюдениям Витова, в заонежских погостах Обонежской пятины общее количество населенных мест за 2 столетия, с конца XV до конца XVI в., изменилось также незначительно. Но в то же время они укрупнялись за счет увеличивающегося количества дворов, что связано с естественным ростом населения и изменениями, происходящими в землевладении⁴⁰. По мнению А.Г. Абрамовича, в первой половине XVI в. в Бежецкой пятине освоение новых земель шло преимущественно за счет основания новых поселений. В это время активно заселялась восточная часть Бежецкой пятины, количество населенных пунктов на этой территории увеличилось на 81%, причем 89.2% новых поселений составили починки⁴¹. С точки зрения исследователя, заселение этой территории началось в результате смены центров экономического притяжения после присоединения ее к Москве⁴². Немаловажным фактором, сыгравшим свою роль в приросте населения и возникновении новых поселений на территории Бежецкой пятины, были более низкие размеры крестьянских повинностей. В тех погостах, где размеры оброков оказывались в 2 раза ниже средних, за первую половину XVI в. прирост населения составил от 88 до 136%⁴³.

Объяснить малодворность русской деревни в XIV–XVI вв. в свое время попытался С.Б. Веселовский, который считал, что у крестьян был сильно развит «отселенческий» инстинкт, поэтому они предпочитали селиться в однодворных или двухдворных селениях⁴⁴. Однако в данном вопросе представляется более верным мнение Б.А. Романова, объяснявшего малодворность русской деревни пределом ее вместимости⁴⁵. Романов не назвал конкретные факторы, влияющие на этот предел, подчеркнув лишь, что для каждой деревни они индивидуальны. Среди многих факторов сельского расселения, играющих большую роль в основании новых поселений и в то же время ограничивающих этот процесс, выделял плодородие земли. Для русского крестьянина оно всегда было определяющим фактором, и эту специфику неоднократно подчеркивал Л.В. Милов⁴⁶, выдвинувший концепцию истории России как общества с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта. Влияние этого фактора на процесс расселения, несмотря на использование удобрений на полях, продолжало играть большую роль и в XVI в.⁴⁷

Были ли у новгородских крестьян в первой половине XVI в. при имеющемся уровне сельскохозяйственной техники и производства свободные земельные ресурсы для основания новых поселений и введения в оборот новой пашни? Для изучения преем-

ственности сельского расселения в Новгородской земле в XV–XVI вв. на основании качества земли были взяты погосты двух граничивших между собой новгородских пятин – Шелонской и Деревской. Как уже подчеркивалось, в это время территория Шелонской пятины, расположенной на северо-западе и западе Новгородской земли, была одной из самых заселенных. Она отличалась от других территорий этого края своей высокой обеспеченностью пахотными угодьями и имеющимися в распоряжении крестьян сенокосами⁴⁸. Более благоприятные природно-климатические условия давали возможность развиваться крестьянскому хозяйству, получать относительно высокие урожаи, выделяться из общей массы зажиточным крестьянам⁴⁹.

В XVI в. в Шелонской пятине продолжался процесс сельского расселения, в том числе и в Паозерье – одной из самых древних освоенных территорий Новгородской земли. Крестьяне, бравшиеся раньше за возделывание только «доброй», с их точки зрения, почвы, вовлекали в это время в пашню и менее плодородные участки. Они либо присоединялись к старым полям, позволяя увеличить дворность деревни, либо распахивались с основанием нового поселения. В этом отношении весьма характерно описание погоста Паозерья, приведенное в писцовой книге Шелонской пятины 1551 г. письма И.Г. Белеутова и А.Г. Жеребцова. В нем содержатся сведения о качестве земли в 11 населенных пунктах⁵⁰. В селе Ракома, откуда, судя по всему, и шло заселение окрестных территорий, описано 29 обож земли. Все они без исключения считаются «добрыми». Зато в 4 соседних деревнях, основанных позже и положенных в 9 обож, «добрыми» оказались только 7.5 обож, остальная земля определена как «средняя». Небольшой починок, появившийся после предыдущего описания, был основан на земле среднего качества и положен всего в половину обжи. В остальных 5 деревнях, положенных в 19 обож, «добрыми» считались только 11 обож, 2.5 относились к «средним», а 5.5 – к «худым».

Проведенное исследование позволило установить, что даже в Шелонской пятине в первой половине XVI в. существовали различные микромассивы, различающиеся между собой по качеству почвы. К сожалению, из-за плохой сохранности писцовых книг мы не имеем возможности проследить процесс сельского расселения в XVI в. на всей территории пятины. По подсчетам Санкт-Петербургских историков, за первую половину XVI в. количество поселений увеличилось здесь примерно на 12–14%⁵¹. Имеющиеся в моем распоряжении данные свидетельствуют, что крестьяне в это время вовлекали в пашню земли, различные по плодородию. Так, благодаря сведениям, содержащимся в писцовых книгах 1551 г., выясняется, что в 242 селениях Шелонской пятины, положенных писцами в 627.5 обжи, чуть более половины земель (55.1%) относилось к категории «средних», почти четверть (23.8%) характеризовались как «добрые» и пятая часть (21.1%) как «худые»⁵². Средние величины, безусловно, нивелируют показатели плодородия на соседних участках пашни. Но они показывают объективный процесс вовлечения в пашенный оборот в первой половине XVI в. новых земель. Даже с учетом распаханых и «неудобных» для сельского хозяйства угодий в XVI в. в Шелонской пятине имелись еще ресурсы для хозяйственного освоения территории, хотя, надо признать, хозяйственные ареалы части деревень пятины уже начали соприкасаться.

В первой половине XVI в. крестьяне продолжили осваивать и территорию Деревской пятины. Интересные данные, касающиеся сельского расселения здесь, привели авторы «Аграрной истории Северо-Запада России». В 20 погостах Деревской пятины, описанных в писцовой книге письма Г. Морозова и Ж. Рябчикова, датируемой 1530–1540 гг., они насчитали 1 503 жилых селения, в том числе и 116 новых починок, появившихся на этой территории к 1543 г.⁵³ Однако в то же время они выявили 177 запустевших поселений. Никаких укрупнений сельских поселений не отмечалось. Исследователи связали эти процессы с убылью населения и выявили очаговый характер запустения земель, который проявлялся в отдельных погостах. Подобные очаги пустых селений указывали на последствия эпидемии. Но помимо «поветрия» ими были названы и другие причины уменьшения численности населения на рассматриваемой территории. Это, в первую очередь, переходы крестьян с поместных земель на оброчные и

монастырские земли из-за высоких платежей (на поместных они были в 2 раза больше, чем на оброчных). Свою роль сыграли и последствия разорения вотчин крупных землевладельцев, ставших неугодными великокняжеской власти⁵⁴.

Какие данные дает сравнительный анализ сельского расселения на данной территории с учетом качества земли? Судя по сведениям приправочной писцовой книги 1550/51 г. письма Б. Анисимова, в которой содержится описание северных и северо-восточных погостов Деревской пятины, большая часть крестьянской пашни в данных погостах писцами оценивалась как средняя по плодородию⁵⁵. Побывав в 938 поселениях, писцы оценили качество земли у 877 деревень, сел и починков, что составляет 93.5% от всех описанных в этой части пятины населенных пунктов. Количество «доброй» и «худой» земли в общей площади распаханных земель составляло только пятую ее часть. Но в отличие от Шелонской пятины уже к середине XVI в. в Деревской пятине имела запустевшая пашня. В восточных погостах пятины она составляла почти четверть описанных писцами обож. Приправочная писцовая книга 1550/51 г. не содержит сведений о причинах запустения, но помогает выявить увеличение его максимальных значений к середине XVI в.⁵⁶ В тех же погостах Деревской пятины можно наблюдать и встречный процесс вовлечения в сельскохозяйственный оборот новых земель и появления новых поселений. Однако на данной территории он характеризуется минимальными количественными значениями. Так, к примеру, после предыдущего описания в Шегринском погосте появилось 5 новых починков, 3 из которых основаны на «худой» земле, а 2 – на «средней». В Боровицком погосте все 3 новых починка основаны также на низкоплодородной земле, в Оксоцком погосте единственный починок основан на земле среднего качества, и, к сожалению, не указано качество земли в двух новых поселениях, основанных в Сеглинском погосте.

По сведениям приправочной писцовой книги 1550/51 г. письма Ш. Благово и М. Лаврентьева, содержащей описание юго-восточных погостов Деревской пятины, земля в этих погостах была еще хуже по плодородию, но тем не менее продолжала осваиваться⁵⁷. Из 1 155 населенных пунктов этой части пятины плодородие почвы было зафиксировано в 1 025 (88.7%) и только $\frac{1}{10}$ земель здесь оказалась «доброй», в то время как более 40% – «худой», чуть менее половины – средней по плодородию, $\frac{1}{5}$ всех земель находилась в запустении. В отличие от описания Б. Анисимова в приправочной писцовой книге Ш. Благово и М. Лаврентьева содержатся сведения о запустении земель только начиная с 40-х гг. XVI в. Все предыдущие случаи запустения сводятся к краткой формулировке «исстари» или приводятся без указания года. Весьма примечателен тот факт, что к категории запустевших «исстари» в юго-восточных погостах Деревской пятины отнесены 65% всех пустых земель. Причины запустения земель в 40-х гг. XVI в. писцы называли только при описании двух погостов – Вельевского и Городенского, которые к этому времени оказались практически полностью опустевшими. 72% земель запустели в них от поветрия, 14.5 – от помещиков и 7.4% – от голода. Более чем у 5% заброшенных земель причины запустения не были указаны.

Обратная тенденция вовлечения в сельскохозяйственный оборот заброшенных участков пашни и распахиwania новых земель в этом районе Деревской пятины проявляется более четко. Выявляется и определенная закономерность: чем больше в погосте заброшенных земель, тем меньше основывается в нем починков. В Вельевском и Городенском погостах, где процесс запустения земель был наиболее значителен, появление новых поселений в это время не зафиксировано. В то же время здесь отмечены случаи освоения крестьянами пустошей с предоставлением льгот. Зато в двух погостах юго-восточной части Деревской пятины, где писцовая комиссия не нашла запустевшей земли, зафиксировано увеличение количества новых поселений. Крестьяне ставили в этих местах починки как на старой роспаше, так и в черном лесу. Так, в Посонском погосте Деревской пятины начиная с 1528 г. появилось 35 починков. Всего же писцы насчитали в этом погосте 277 поселений, положенных в 466.6 обжи, а качество почвы указали в 266 поселениях (445.6 обож)⁵⁸. Примечательно, что более 89% земель считались в этом погосте средними по плодородию, но почти вся земля крестьянами возделывалась.

Только 1,8 обжи «худой» земли оказались здесь заброшенными «исстари». Примерно половина новых поселений возникла на средней по качеству земле, более трети – на «худой» и только 5 починков были поставлены на «доброй» земле. Однако из общего количества починков, основанных с начала XVI в., к моменту описания 8 уже значились заброшенными.

В Ясеновичском погосте с начала века писцы зафиксировали появление 16 новых поселений. Их общее количество к моменту описания достигло 126, а качество земли зафиксировано в 118 населенных пунктах. Заброшенных земель писцовая комиссия здесь не обнаружила, хотя «доброй» земли в погосте было мало – всего 4%. Более 95% земель погоста считались средними по плодородию. Почти все починки были поставлены на «доброй», но заброшенной земле и только 3 – на «худой». Необходимо отметить и тот факт, что к началу переписи починки предстали перед писцами в виде добротных сельских поселений, в которых насчитывалось от 2 до 6 дворов.

Таким образом, процесс сельского расселения в Деревской пятине продолжался и в первой половине XVI в., хотя шел очень неравномерно. С одной стороны, приходили в запустение старые поселения и разработанная пашня. Среди главных причин забрасывания земель, не только «худых», но и средних и даже наиболее плодородных, можно назвать эпидемии, приводящие к большим потерям населения, природные катаклизмы и разорение крестьянских хозяйств. С другой стороны, в тех погостах, где крестьянские хозяйства оказывались в более выгодных природных и экономических условиях, продолжалось освоение новых земель и распахивание заброшенных ранее участков.

Повышенная смертность населения от эпидемий, вызванная в это время низким уровнем потребления, считается еще одним аргументом в пользу правильности применения к истории России XVI в. структурно-демографической теории. Однако стоит напомнить, что эпидемии, мор и голод, поражавшие не только определенные земли, но и порой всю территорию Русского государства, фиксировались в летописях и на протяжении предшествующих столетий. Неблагоприятным с точки зрения природно-климатических явлений был для страны не только XVI, но и XV в., в котором голодными в общей сложности и оказались 40 лет, причем 15 из них были особенно тяжелыми⁵⁹. 10 раз на протяжении этого века (1408, 1409, 1413, 1417, 1421, 1422, 1442, 1443, 1445, 1446 гг.) население голодало из-за сильных морозов, трижды (1420, 1484, 1485 гг.) – из-за необычайно мягкой зимы, 9 раз (1429, 1435, 1436, 1448, 1453, 1466, 1475, 1477 гг.) – из-за возврата холодов, заморозков и ранних морозов и 6 раз (1405, 1407, 1414, 1430, 1431, 1454 гг.) – из-за дождливого или, наоборот, засушливого лета⁶⁰. В целом за все столетие Русское государство пережило 26 засух, 31 холодную зиму, 8 случаев ранних морозов и 6 случаев возврата холодов, а также 24 различные эпидемии и эпизоотии⁶¹.

Локальные эпидемии в XV в. охватывали различные территории страны. От эпидемий, часто приводивших к потерям населения, особенно страдали псковские и новгородские земли. Наибольший размах приобрела эпидемия 1417 г., охватившая не только Новгород и Псков, но и весь Северо-Восток. Мор был настолько сильным, что, по свидетельству новгородского летописца, в городах и селах люди не успевали хоронить мертвых, многие дворы стояли опустевшими, в некоторых семьях не осталось в живых детей⁶². Голодным для всей Новгородской земли оказался 1419 г., когда засушливое лето привело к недороду на полях⁶³. В 1421 г. весеннее половодье, последовавшее за ним наводнение и дождливое лето привели к неурожаю, эпидемии и голоду, разразившемуся здесь зимой⁶⁴.

Голод в Новгородской земле и в стране продолжился в 1422 г., который был отмечен в русских летописях необычайной засухой. Цены на хлеб тогда стали очень высокими: «Глад был велик по всей Русской земли, на Москве оков ржи по рублю, на Костроме по два рубля, в Нижнем Новгороде оков ржи по двести алтын»⁶⁵. Чтобы не умереть с голоду, люди ели мертвый скот, кошек, собак, отмечены были также случаи, когда «люди людей ядоша»⁶⁶. Для жителей Новгородчины голод оказался особенно тяжелым. В ле-

тописях содержатся сведения о большой смертности населения. В Новгороде умерших от голода людей хоронили в братских могилах. Некоторые новгородцы попытались уйти в Литву, но по пути умерли от морозов и истощения⁶⁷. В 1425 г. эпидемия пришла в Новгород из Прибалтики и Пскова, а потом распространилась на Тверь и Москву⁶⁸. На территории Русского государства она не прекращалась 3 года. В 1427 г. эпидемия свирепствовала в Вологде и Белоозере, мор в Москве был «злее прежнего»⁶⁹.

Большой голод пришел в Новгородскую землю в 1436 г., когда ранние осенние морозы не позволили убрать урожай. Часть жителей новгородских пятин тогда отправились в Прибалтику и тем самым только умножили начавшийся и там голод⁷⁰. Попытка спастись от голода в других краях была предпринята новгородцами и в 1445 г., тогда его спровоцировала лютая зима. В Новгороде в это время отмечалась необычайная дороговизна хлеба. По свидетельству летописца, хлеб был здесь дорог и в последующие 10 лет. Новгородцы тогда подались «одни в Литву, другие в Латинство, иные к басурманам»⁷¹. Голодным для Новгородской и Псковской земель оказался и 1453 г. Сначала ранние морозы, ударившие в сентябре, побили урожай, а потом проливные дожди не дали убрать озимые⁷². В 1462 г. к голоду в Новгородской земле привела холодная весна, из-за возврата морозов крестьянам тогда не удалось вовремя провести все полевые работы, «бысть дни снежны, бурны, студены и бестравны до Троицына дни»⁷³. На следующий 1463 г. в Новгород пришла эпидемия, от которой умерло много людей⁷⁴.

В 1466 г. голод разразился во всем государстве. Год был очень холодным. Сначала в мае вернулись холода, потом 2 раза выпадал снег, побивший посевы ржи, а в августе пришли ранние заморозки. В Новгороде в это время началась новая эпидемия⁷⁵. Большая нужда среди народа в северо-западных русских землях была отмечена в 1468 г. С июня по октябрь на этой территории шли проливные дожди. Реки и болота оказались переполнены водой. Крестьяне не смогли в этот год ни убрать урожай, который погнил на полях, ни заготовить на зиму сено, ни посеять рожь⁷⁶. В 1471 г. в Новгородской земле разразилась настолько тяжелая засуха, что пересохла река Ловать и «ни капли дождя с небеси на их землю не бывала во все лете»⁷⁷. Обмелели реки, высохли болота. В Новгороде снова были отмечены дороговизна хлеба и голод.

Русские летописи предоставляют нам объективные данные о том, что по сравнению с другими территориями, вошедшими впоследствии в состав Российского государства, природные и климатические условия в Новгородской земле отличались наибольшей суровостью. Именно в таких неблагоприятных природных условиях на протяжении веков здесь осваивались новые земли, расширялась пашня, развивалось сельское хозяйство. Естественно, что неблагоприятные погодные условия не позволяли крестьянским хозяйствам получать ожидаемые урожаи, приводили к снижению потребления, голодным годам и смертности населения. С точки зрения экстремальности природных явлений, XVI в. мало отличался от предыдущего столетия. По подсчетам исследователей, голодными в XVI в. в России оказались в общей сложности 48 лет, 23 раза на ее территории были зафиксированы эпидемии и эпизоотии, 27 – засухи, 32 – холодные зимы, 7 – ранние морозы, 14 раз – возвраты холодов⁷⁸. На протяжении столетия отмечались относительно благоприятные десятилетия и целые десятилетия, когда экстремальные природные явления следовали одно за другим⁷⁹.

Наиболее благоприятными с точки зрения погодных условий на Руси были первые 20 лет XVI в. Хотя в то же время летописи продолжали фиксировать засухи, недороды на полях, эпидемии и голод. Так, в 1506 г. мор великий охватил западнорусские земли и Псков. На следующий год эпидемия и сильные пожары дошли до Новгородской земли⁸⁰. В 1508 г. в Новгороде зафиксирована засуха и сильные пожары, уничтожавшие деревни и села⁸¹. По сообщению Новгородской третьей летописи, в этот год только в Новгороде от эпидемии умерли более 15 тыс. человек. Голодным был и дождливый 1510 г.⁸² Следующий 1511 г. оказался неблагоприятным из-за эпидемии, охватившей многие русские земли. В 1512 г. на всей территории Русского государства был особенно дорог хлеб, этот год тоже оказался голодным⁸³. Летописцы называют голодным

для всей страны и 1516 г. Из-за дождливого лета на полях тогда погиб весь ожидаемый урожай, так что «ржи негде было купити»⁸⁴. С 1521 г. различные территории Русского государства охватывали эпидемии. В 1523 г. в Новгородской земле разразилась эпизоотия, от которой погибло много скота, в том числе большое количество лошадей, коров и домашней птицы. Для Новгорода этот год стал голодным⁸⁵.

Следующие полвека, с 1524 по 1570 гг., отмечены в русском летописании рядом стихийных бедствий, неурожаев, голодных лет и эпидемий, негативно отражавшихся на процессе сельскохозяйственного производства. 1524 г. оказался голодным для всего Русского государства из-за дождливого лета, переполнения водой рек и затопления полей, в результате которых «много же жита и обилия истопиша». Голод продолжился и в следующем 1525 г. Но теперь его причиной стала засуха, длившаяся с мая до середины августа. Земля, по описанию летописца, горела так, что «не родилось никакого жито, ни обилье, ни сено»⁸⁶. В 1526 г. в русских городах был дорог хлеб. Цена его доходила «на Москве четверть по шти алтын, на Вологде и по иным городам по двадцать алтын и более, а на Тотьме купили четверть по рублю»⁸⁷. И наступил «глад велик зело, множество людей маломощных з голоду мерло»⁸⁸. В следующем 1527 г. в Псковской и Новгородской землях разразился страшный мор⁸⁹. Голодным из-за сильных дождей и бурь снова стал для всего Московского государства 1529 г.⁹⁰ В начале 30-х годов XVI в. дождливые годы сменились засушливыми, которые часто приводили к пожарам. Особенно сухим стал для страны 1533 г., когда иссякли все источники, колодцы, ручьи и болота. Горели леса и деревни, в селах от жажды погибал скот. В Новгородской земле пожары были настолько сильными, что от их дыма страдали жители Великого Новгорода. Засуха вновь привела к неурожаю и голоду в стране⁹¹.

В 1541 г. вся Русская земля подверглась нашествию саранчи, которая съела все жито, ярь и траву, что привело к дороговизне хлеба и голоду⁹². В Новгородской земле в это время бушевали сильные пожары⁹³. Дороговизна хлеба и голод были зафиксированы в этих местах еще и в 1544 г., когда из-за высокого половодья оказалась затоплена «орная земля» по берегам озера Ильмень, р. Волхова и др.⁹⁴ Следующие 3 года стали для Новгородской земли настолько засушливыми, что на ее территории не прекращались пожары, а 1547 г. вошел в историю всего Русского государства как голодный год⁹⁵.

По сравнению со второй половиной XVI в., первая половина столетия оказалась для северо-западных земель России более благоприятной по своим природным и климатическим характеристикам⁹⁶. 50-е гг. XVI в. для всей страны начались с холодных зим, сильных дождей и половодья, 60-е гг. отмечены экстремальными зимами, большими наводнениями весной, грозами и градобитьем летом, нашествием вредителей. В 1570-х г. помимо суровых зим часто происходили «великое бездожие» летом и ранние заморозки, приводившие к потерям яровых и озимых хлебов на полях. В это время летописцы продолжали фиксировать неурожаи, голод и эпидемии. Как можно удостовериться, голодные годы и эпидемии пришли не после долгого перерыва, как считают сторонники структурно-демографической теории, а были следствием ухудшения природно-климатических условий и повышения их экстремальности. Однако масштабы голода и эпидемий, разразившихся в середине XVI в. в России, во многом зависели от ухудшившейся к этому времени политической и экономической обстановки.

По мнению С.А. Нефедова, в первой половине XVI в. в новгородских землях началась стагнация численности населения вследствие постоянного недоедания, поскольку зерновое хозяйство не обеспечивало минимального уровня потребления. Исследователь в данном случае ссылается на расчеты петербургских историков, согласно которым в первой половине XVI в. зерновое производство в Деревской и Водской пятинах не могло обеспечить минимальный уровень потребления в 15 пудов хлеба на человека⁹⁷. Однако такая же картина наблюдалась и в конце XV в. и объясняется это тем, что на протяжении веков в Новгородской земле крестьянское хозяйство

было направлено только на собственное воспроизводство. Авторы «Аграрной истории Северо-Запада России», подсчитав хлебный баланс по новгородским пятинам, пришли к заключению, что Новгородская земля в конце XV в. в урожайные годы вполне могла прокормить свое население за счет собственного хлеба. По их мнению, хлеб в Новгород ввозился только в неурожайные годы. Однако, как мы уже удостоверились, неурожаи на Новгородчине случались регулярно. Более того, даже при средней урожайности сам-4, которую Санкт-Петербургские историки использовали для своих расчетов, Новгородской земле для обеспечения собственного хлебного бюджета уже не хватало 5% своего зерна⁹⁸.

В свое время критические замечания по поводу определения уровня урожайности в XVI в. высказали Л.В. Милов и Н.А. Горская. Анализируя нормы урожайности зерновых культур XV – начала XVI в., использованные авторским коллективом для расчета крестьянских бюджетов, исследователи посчитали их завышенными, поскольку «была заведомо скинута со счетов возможность эволюции урожайности в течение целого столетия, тогда как именно на XVI в. приходится такие важные сдвиги в области развития сельскохозяйственной техники и навыков сельскохозяйственного производства, как распространение сохи с полицей и навозного удобрения»⁹⁹.

Из-за ограниченного круга источников изучение урожайности на территории России вплоть до XIX в. крайне затруднено. Тем не менее для XVI в. мы имеем в распоряжении подсчет урожайности зерновых культур в Шелонской пятине, произведенный Н.А. Рожковым. По его данным, в Дубровенском погосте урожайность ржи в 1595–1596 гг. составляла всего сам-1.7, а в Опочком погосте она едва достигала сам-1.5, ячменя – сам-0.4¹⁰⁰. Сохранились сведения об урожайности зерновых культур в XVI в. на полях Иосифо-Волоколамского монастыря, которые приводила в своих работах Горская. В 7 уездах урожайность ржи колебалась от сам-2.24 до сам-3.3. Еще меньшей была урожайность овса (от сам-1.8 до сам-2.56) и пшеницы (от сам-1.6 до сам-2)¹⁰¹.

По моим расчетам, полученным в результате извлечения из новгородских писцовых книг конца XV – начала XVI в. записей об эквивалентном переводе хлебного издоля на фиксированный оброк, средняя урожайность в новгородских пятинах (Водской и Шелонской) в это время колебалась от сам-1.9 до сам-2.1¹⁰². С точки зрения Горской, данные об урожайности конца XV – начала XVI в., получаемые в результате подсчетов из редко встречающихся записей писцовых книг, являются единственными, причем очень близкими к реальным фактам, синхронными сведениями об урожайности в данный период¹⁰³. О невысокой урожайности в северо-западном регионе России свидетельствуют и показатели последующих веков. Так, по данным А.И. Комисаренко и М.Ф. Прохоровой, средний уровень урожайности зерновых культур в 60–70-х гг. XVIII в. в Новгородском уезде не превышал сам-1.3. При этом урожайность ржи колебалась в различные годы от сам-0.3 до сам-2.8¹⁰⁴. В 80–90-х гг. XVIII в. урожайность ржи в этом регионе находилась в интервале от сам-2.1 до сам-3.2¹⁰⁵. А для второй половины XIX в. можно сослаться на показатели, которые приводил в своих работах И.Д. Ковальченко, опираясь на среднюю урожайность в Новгородской губ. на уровне сам-2.6¹⁰⁶.

При урожайности сам-4, которую взяли за основу петербургские историки, на рубеже XV–XVI вв. собственным хлебом не могли себя обеспечить крестьяне Деревской пятины и в привозном хлебе нуждались жители Великого Новгорода. По моим подсчетам, которые основываются на таких же показателях обработанной пашни и количестве населения как и в «Аграрной истории Северо-Запада России», при урожайности сам-3 баланс всех новгородских пятин оказывается отрицательным. При таком уровне урожайности в наиболее плодородных Шелонской и Бежецкой пятинах для обеспечения населения хлебом не хватает пятой части собственного урожая, крестьяне Деревской пятины обеспечивают себя хлебом только наполовину, в Водской – на треть¹⁰⁷. При средней урожайности сам-2 ситуация с обеспечением хлебом в Новгородской земле складывалась просто катастрофическая.

Поскольку собственный хлебный баланс Новгородской земли на протяжении веков в большинстве случаев был отрицательным, на эту территорию издревле ввозили хлеб из других регионов. Торговля хлебом была мощным инструментом воздействия на политику Новгородской республики. В XII–XV вв. хлеб из северо-восточных русских земель шел через Новгород транзитом на запад либо приобретался для собственных нужд¹⁰⁸. Ростово-суздальские, тверские и московские князья часто использовали заинтересованность новгородцев в решении вопроса обеспечения хлебом в своих целях¹⁰⁹. Русские летописи и берестяные грамоты нередко рассказывают о торговой блокаде Новгорода, когда хлеб из других русских земель сюда не привозился¹¹⁰. Интересен тот факт, что пропажа хлеба и его дороговизна оказались не последними аргументами в пользу заключения новгородцами мирного договора с Иваном III, оправившимся в поход на Новгород в 1471 г. По свидетельству летописи, вскоре после подписания договора в Новгороде появился дешевый хлеб¹¹¹. Таким образом, несмотря на то что хлебопашество играло ведущую роль в земледелии Новгородской земли, оно не могло полностью обеспечить эту территорию хлебом. Более того и в последующие столетия население, проживающее на Северо-Западе России, продолжало нуждаться в привозном хлебе.

Подводя итоги, можно констатировать, что в XV–XVI вв. в новгородских пятинах не было признаков, которые используются для характеристики периодов восстановления и сжатия, применяемых в структурно-демографической теории к российской истории того времени. В частности, для XV в. не отмечается относительно высокого уровня потребления, низких цен на хлеб, большого количества свободных земель. Для XVI в. неоспорны выводы об отсутствии свободных земель, крестьянском малоземелье, приостановке роста населения с начала века и начавшемся в это время резком росте цен на хлеб, более частых, чем в предыдущие века, сообщениях о голодных годах и эпидемиях. К середине XVI в. в новгородских пятинах еще не были исчерпаны резервы крестьянского хозяйства. Более того, в первой половине XVI в. развитию сельского хозяйства на этой территории благоприятствовали погодные условия и продолжающийся процесс сельского расселения. Сравнительный анализ материалов писцовых книг, описывающих сельское расселение в Новгородской земле в конце XV в., уже после присоединения ее к Москве, и во второй половине XVI в., в то время, когда была сформирована основная территория Российского государства, показывает, что эта северо-западная территория России, превосходящая по площади многие европейские страны и расположенная в зоне неблагоприятного для развития земледелия климата, в это время скорее испытывала недостаток людских ресурсов, чем страдала от перенаселения.

Примечания

¹ См. об этом подробнее: *Goldstone J.* Revolution and Rebellion in the East Modern World. Berkeley, 1991; *Dunning Ch.* Does Jack Goldstone's Model of Early Modern State Crises Apply to Russia? // *Comparative Studies in Society and History*. 1997. Vol. 39. N. 3. P. 572–592; *idem.* The Preconditions of Modern Russia's First Civil War // *Russians History*. 1998. Vol. 25. № 1–2. P. 119–131.

² *Goldstone J.* Op. cit. P. 459–462.

³ *Dunning Ch.* The Preconditions... P. 123–125.

⁴ *Ibid.* P. 123–125.

⁵ *Roberts M.* Essays in Swedish History. L., 1967. P. 195–225; *idem.* Gustavus Adolphus. A History of Sweden. Vol. 2. 1625–1632. L.; N.Y.; Toronto, 1958. P. 61–68; *Duffy M.* The Military revolution and the state, 1500–1800. Exeter, 1980; *Downing B.* The Military Revolution and Political Change. Princeton, 1992. P. 3, 10–11, 56, 77–78.

⁶ *Postan M.* Revision in Economic History: the fifteenth century // *The Economic History Review*. 1939. Vol. 9. № 2; *Postan M.M., Titov J.Z.* Heriots and prices on Winchester manors // *Economical history review*. Ser. 2. Vol. 38. 1958–1959. P. 392–417; *Grigg D.* Population Growth and Agrarian

Change. Cambridge, 1980; The Agrarian history of England and Wales. Vol. 2: 1042–1350 / edited by H.E. Hallam. Cambridge, 1988.

⁷ *Turchin P.* Historical Dynamics: Why States Rise and Fall. Princeton, N.J., 2003; *idem.* Dynamical Feedbacks between Population Growth and Sociopolitical Instability in Agrarian States // *Journal of Anthropological and Related Sciences.* 2005. N 1.

⁸ *Turchin P.* Historical Dynamics... P. 121–131, 184–196.

⁹ *Нефедов С.А.* О возможности применения структурно-демографической теории при изучении истории России XVI в. // *Отечественная история.* 2003. № 5. С. 70–71; *он же.* Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России, Екатеринбург, 2005. С. 543.

¹⁰ *Нефедов С.А.* Демографически-структурный анализ... С. 39.

¹¹ *Кочин Г.Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. М.; Л., 1965. С. 5; *Колычева Е.И.* Аграрный строй России XVI века. М., 1987. С. 4; *Аверьянов К.А.* О времени возникновения писцовых книг // *Материалы XV Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков. К столетию со дня рождения П.А. Колесникова».* М., 2008. С. 13–15.

¹² *Милов Л.В.* Методические проблемы источниковедения писцовых книг (О концепции С.Б. Веселовского) // *История СССР.* 1978. № 2. С. 133–142.

¹³ *Неволин К.А.* О пятинах и погостах Новгородских в XVI в. СПб., 1853. С. 58–59.

¹⁴ *Горская Н.А.* Русская феодальная деревня в историографии XX в. М., 2006. С. 20.

¹⁵ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. (далее – АИСЗР. Т. 1). Л., 1971. С. 321.

¹⁶ Там же. С. 322.

¹⁷ Там же. С. 124.

¹⁸ Там же. С. 322.

¹⁹ Там же. С. 126.

²⁰ *Степанова Л.Г.* Новгородское крестьянство на рубеже XV–XVI столетий (уровень развития хозяйства). М., 2004. С. 122; *она же.* Новые подходы в статистической обработке массивов данных писцовых книг конца XV в. (О характере дифференциации крестьянства) // *Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы.* Вологда, 2001. С. 66–77.

²¹ *Неволин К.А.* Указ. соч. С. 58.

²² АИСЗР. Т. 1. С. 321.

²³ Там же. С. 79.

²⁴ Там же. С. 94.

²⁵ *Степанова Л.Г.* Новгородское крестьянство... С. 129.

²⁶ *Неволин К.А.* Указ. соч. С. 58.

²⁷ АИСЗР. Т. 1. С. 322.

²⁸ *Нефедов С.А.* О возможности... С. 64.

²⁹ *Аверьянов К.А.* Указ. соч. С. 19.

³⁰ См. об этом подробнее: *Степанова Л.Г.* Сравнительный анализ преемственности сельского расселения на основании качества земли // *Северо-Запад в аграрной истории России. Межвузовский тематический сборник научных трудов.* Калининград, 2008. С. 5–25.

³¹ Аграрная история Северо-Запада России XVI века (далее – АИСЗР). Т. 2. Новгород. Пятины. Л., 1974. С. 185, 244; Там же. Т. 3. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1978. С. 149.

³² АИСЗР. Т. 3. С. 153.

³³ *Дегтярев А.Я., Шапиро А.Л.* Демографическая характеристика системы поселений Северо-Запада Руси в XVI в. // *Проблемы исторической демографии СССР. Сборник статей.* Таллин, 1977. С. 38–39.

³⁴ *Витов М.В.* Историко-географические очерки Заонежья. М., 1962. С. 18.

³⁵ *Дегтярев А.Я., Шапиро А.Л.* Указ. соч. С. 39–40.

³⁶ *Воликов А.А.* Природно-географические условия пространственной организации сельских поселений на Валдае // *Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого* (<http://www.admin.novsu.ac.ru/uni/scrapers.nsf>).

³⁷ *Дегтярев А.Я., Шапиро А.Л.* Указ. соч. С. 36.

³⁸ АИСЗР. Т. 2. С. 112–113.

³⁹ *Селин А.А.* Историческая география Новгородской земли в XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. СПб., 2003. С. 56, 62.

⁴⁰ Витов М.В. Приемы составления карт поселений XV–XVII вв. по данным писцовых и переписных книг (На примере Шунгского погоста Обонежской пятины) // Проблемы источниковедения. Сб. V. М., 1956. С. 263.

⁴¹ АИСЗР. Т. 2. С. 185.

⁴² Там же. С. 188.

⁴³ Там же. С. 186.

⁴⁴ Веселовский С.Б. Село и деревня Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. М.; Л., 1936. С. 26.

⁴⁵ Романов Б.А. Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма (по поводу работ Н.Н. Воронина и С.Б. Веселовского) // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII веков. М.; Л., 1960. С. 327–446.

⁴⁶ Милов Л.В. Великолукский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 17–18.

⁴⁷ Степанова Л.Г. Пространственно-демографические изменения на Северо-Западе России в XV–XVI веках и размещение крестьянских хозяйств // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография; методы исследования и методология; опыт и перспективы. Тезисы докладов и сообщений XXXI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 2008. С. 25.

⁴⁸ АИСЗР. Т. 1. С. 128.

⁴⁹ Степанова Л.Г. К вопросу об имущественной дифференциации крестьянства в конце XV – начале XVI века (по данным новгородских писцовых книг) // Отечественная история. 2001. № 4. С. 144–161.

⁵⁰ Новгородские писцовые книги, изданные императорской Археографической комиссией (далее – НПК). Т. 5. Книги Шелонской пятины. СПб., 1905. Обз. 315–517.

⁵¹ АИСЗР. Т. 2. С. 31; Дегтярев А.Я., Шапиро А.Л. Указ. соч. С. 40.

⁵² НПК. Т. 5.

⁵³ АИСЗР. Т. 2. С. 31.

⁵⁴ Там же. С. 32–33.

⁵⁵ Писцовые книги Новгородской земли. Т. 5. Писцовые книги Деревской пятины 1550–1560-х гг. М., 2004. С. 1–94.

⁵⁶ Степанова Л.Г. Кризисные явления в крестьянском хозяйстве и запустение земель в Деревской пятине Новгородской земли в первой половине XVI в. // Северо-Запад в аграрной истории России. Межвузовский тематический сборник научных трудов. Калининград, 2009. С. 7–8.

⁵⁷ Писцовые книги Новгородской земли. Т. 5. С. 261–329.

⁵⁸ Степанова Л.Г. Сравнительный анализ... С. 20–21.

⁵⁹ Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988. С. 180.

⁶⁰ Степанова Л.Г. Неблагоприятные природные явления в Новгородской земле и их последствия // Северо-Запад в аграрной истории России. Межвузовский тематический сборник научных трудов. Калининград, 2005. С. 10–11.

⁶¹ Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Указ. соч. С. 501.

⁶² ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 232; Т. 24. М., 2000. С. 178, 243; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ). М.; Л., 1951. С. 411.

⁶³ НПЛ. С. 411.

⁶⁴ Там же. С. 413.

⁶⁵ Вологодско-Пермские летописцы // Летописи и хроники. М., 1976. С. 269, 270; ПСРЛ. Т. 6. М., 2000. С. 142.

⁶⁶ Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Указ. соч. С. 182.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 388; Т. 24. С. 181; Т. 34. М., 1978. С. 163.

⁶⁸ Там же. Т. 5. М., 2000. С. 263; Т. 12. М., 2000. С. 3; Т. 15. М., 2000. С. 488; Т. 25. М., 2004. С. 247; Т. 30. М., 1965. С. 132.

⁶⁹ Там же. Т. 6. С. 263; Т. 23. М., 2004. С. 146; Т. 30. С. 132.

⁷⁰ НПЛ. С. 418.

⁷¹ Там же. С. 425; ПСРЛ. Т. 16. М., 2000. С. 186.

⁷² Псковские летописи. Ч. 1. М.; Л., 1940. С. 51. Ч. 2. М.; Л., 1950. С. 140; Вологодско-Пермские летописцы. С. 269.

⁷³ ПСРЛ. Т. 16. С. 208.

⁷⁴ Там же. Т. 8. М., 2001. С. 150; Т. 24. С. 185.

- ⁷⁵ Там же. Т. 12. С. 11.
- ⁷⁶ Там же. Т. 24. С. 187; Т. 25. С. 282; Псковские летописцы. Ч. 2. С. 165.
- ⁷⁷ ПСРЛ. Т. 4. С. 128–129.
- ⁷⁸ *Борисенков Е.П., Пасецкий В.М.* Указ. соч. С. 501.
- ⁷⁹ *Степанова Л.Г.* Кризисные явления... С. 16–17.
- ⁸⁰ Псковские летописи. Ч. 2. С. 225; Там же. Ч. 1. С. 91; ПСРЛ. Т. 30. С. 140.
- ⁸¹ ПСРЛ. Т. 30. С. 150.
- ⁸² *Борисенков Е.П., Пасецкий В.М.* Указ. соч. С. 188.
- ⁸³ ПСРЛ. Т. 24. С. 216–217.
- ⁸⁴ Там же. Т. 6. С. 280.
- ⁸⁵ Там же. Т. 30. С. 202; Т. 6. С. 281; Псковские летописи. Ч. 2. С. 102.
- ⁸⁶ ПСРЛ. Т. 24. С. 222; Т. 26. М., 2006. С. 20; Т. 6. С. 282.
- ⁸⁷ Там же. Т. 26. С. 313.
- ⁸⁸ Там же. Т. 28. М.; Л., 1963. С. 181.
- ⁸⁹ Там же. Т. 3. М., 2000. С. 248; Псковские летописи. Ч. 1. С. 104.
- ⁹⁰ ПСРЛ. Т. 6. С. 282.
- ⁹¹ Там же. С. 267.
- ⁹² Там же. Т. 32. М., 1962. С. 108.
- ⁹³ Там же. Т. 30. С. 147, 148.
- ⁹⁴ Там же. С. 148.
- ⁹⁵ Там же. С. 149–150; Т. 13. С. 152–154.
- ⁹⁶ *Дулов А.В.* Географическая среда и история России. Конец XV – середина XIX вв. М., 1983. С. 17.
- ⁹⁷ АИСЗР. Т. 2. С. 178.
- ⁹⁸ Там же. Т. 1. С. 348–349.
- ⁹⁹ *Горская Н.А., Милов Л.В.* Некоторые итоги и перспективы изучения аграрной истории Северо-Запада России // История СССР. 1982. № 2. С. 79.
- ¹⁰⁰ *Рожков Н.А.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899. С. 56–57.
- ¹⁰¹ *Горская Н.А.* Урожайность зерновых культур в Центральной части Русского государства в конце XV – начале XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961. Рига, 1963. С. 161–163.
- ¹⁰² *Степанова Л.Г.* Урожайность зерновых культур в конце XV – начале XVI в. (по данным Новгородских писцовых книг) // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 2000. № 5. С. 89–102.
- ¹⁰³ *Горская Н.А.* Русская феодальная деревня... С. 124.
- ¹⁰⁴ *Комисаренко А.И., Прохорова М.Ф.* Посевы и урожаи зерновых культур в Новгородском уезде в 60–70-х годах XVIII в. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. 14–16 ноября 1995 г. Новгород, 1995. С. 92.
- ¹⁰⁵ *Милов Л.В.* Великорусский пахарь... Табл. 1.9. С. 184.
- ¹⁰⁶ *Ковальченко И.Д.* Динамика уровня земледельческого производства России в первой половине XIX в. // История СССР. 1989. № 1. С. 68.
- ¹⁰⁷ *Степанова Л.Г.* Зерновое хозяйство Новгородской земли и хлебный рынок // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок. Тезисы докладов и сообщений научной конференции XXIX сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 2004. С. 14–16; *она же.* Роль зернового хозяйства Новгородской земли в процессе складывания хлебного рынка России // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок. Материалы XXIX сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Орел, 2005. С. 84–90.
- ¹⁰⁸ *Хорошкевич А.Л.* Особенности Новгорода как торгового центра Северо-Запада Руси в XII – начале XVI в. // Проблемы истории Новгорода и Новгородской земли XV в. Тезисы докладов и сообщений научного симпозиума. Новгород, 1996. С. 5.
- ¹⁰⁹ *Данилова Л.В.* Очерки по истории землевладельческого хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1955. С. 21–22.
- ¹¹⁰ *Рыбина Е.А.* Торговля средневекового Новгорода. Историко-археологические очерки. Великий Новгород, 2001. С. 316–319; *она же.* Археологические очерки новгородской торговли. М., 1978. С. 93–94.
- ¹¹¹ ПСРЛ. Т. 4. С. 128–129.